

Представление стратегической модели для понимания последствий распространения террористической деятельности ИГИЛ

Кюнейт Гюрер

Европейский центр по изучению вопросов безопасности им. Джорджа К. Маршалла, <http://www.marshallcenter.org/>

Резюме: Понимание характера и степени угрозы со стороны ИГИЛ было ключевым вопросом для теоретиков, политиков и профессионалов в сфере безопасности с того момента, как ИГИЛ начало терять существенные позиции в Сирии и Ираке. В этой статье проанализированы терроризм ИГИЛ и возможные последствия его распространения с точки зрения региональной безопасности путем представления стратегической модели, предназначенной для разработки вариантов решений для тех, кто формирует политику. Стратегическое понимание, подкрепленное моделью, которая была предназначена для учета всех возможных переменных и их взаимодействия между собой, необходимо для понимания направления действия будущих угроз. Многие исследователи согласны с мнением, что угроза исходит не только из организационной структуры ИГИЛ, но и из его идеологических аспектов, поэтому представленная здесь модель связывает факты и идеологию с переменными на трех разных уровнях: региональном политическом уровне; ИГИЛ и его организационной структуре и переменных индивидуального уровня. Модель была разработана для учета изменений с соответствующими данными, таким образом, обеспечивая стратегическое, основанное на данных, понимание угрозы.

Развитие политических событий в регионе и то, как ИГИЛ реагирует на это развитие, являются главными соображениями при проведении анализа на первых двух уровнях. На индивидуальном уровне наиболее важными объектами изучения являются иностранные боевики и другие сторонники ИГИЛ с учетом предположения, что будущая угроза будет растекаться вне региона через иностранных боевиков и самораздиализовавшихся одиноких акторов.

Ключевые слова: терроризм, ИГИЛ, иностранные боевики, последствия распространения, региональная безопасность.

Введение

ИГИЛ является значительной угрозой как для безопасности Ближнего Востока, так и для глобальной безопасности. В исследованиях, анализирующих организационную структуру, процесс вербовки, выбор мишеней и нападения ИГИЛ, сосредотачиваясь на публичных и размещаемых в социальных медиа дискурсах его лидеров и последователей, было установлено, что эта организация разработала децентрализованную стратегию нападений, поощряющую его сторонников совершать теракты, не навязывая им конкретных планов нападений.¹ Нападения, осуществленные аффилированными с ИГИЛ боевиками в 2015, 2016 и 2017 годах, показывают, что эта организация становится более глобальной угрозой. Хотя в последнее время ИГИЛ потеряло значительную часть своих территорий в Сирии и Ираке и ожидается, что скоро падут и его последние оплоты, имеются убедительные доказательства, что ИГИЛ адаптируется к этим изменениям.² За потерями территории последовали потери живой силы, так как многие иностранные боевики бежали из Сирии и начали возвращаться в свои родные или в третьи страны, сохраняя, однако, свои контакты с организацией.³

Действуя в основном в Сирии и Ираке и создав структуру управления в Сирии, в прошлом ИГИЛ приобрело большое число иностранных боевиков. ИГИЛ не только было источником региональной небезопасности и нестабильности, но и расширило свою террористическую деятельность на глобальном уровне через иностранных боевиков и других радикальных лиц, называемых «одинокими акторами». Возвращающиеся иностранные боевики уже участвуют в террористических нападениях, в частности в Европе, и в настоящее время есть признаки того, что возвращенцы и одинокие акторы и далее будут представлять собой существенную угрозу для глобальной безопасности.

В этой статье анализируется террористическая деятельность ИГИЛ в плане региональной безопасности и делается попытка представить некую

---

¹ Thomas Hegghammer and Petter Nesser, "Assessing the Islamic State's Commitment to Attacking the West," *Perspectives on Terrorism* 9, no. 4 (August 2015): 14–30; Jytte Klausen, "Tweeting the Jihad: Social Media Networks of Western Foreign Fighters in Syria and Iraq," *Studies in Conflict & Terrorism* 38, no. 1 (December 2014): 1–22.

² "Syria: ISIS to be driven out of Raqqa within two months, claims top commander," *Independent*, August 28, 2017, <http://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/isis-driven-out-of-raqqa-syria-two-months-ypg-nowruz-ahmed-a7917326.html> (по состоянию на 6 сентября 2017).

³ "ISIS faces exodus of foreign fighters as its 'caliphate' crumbles," *The Guardian*, April 26, 2017, <https://www.theguardian.com/world/2017/apr/26/isis-exodus-foreign-fighters-caliphate-crumbles> (по состоянию на 6 сентября 2017).

модель разработки альтернативных директив для лиц, определяющих политику по данному вопросу. Чтобы провести точный анализ, показано, что следует собрать и подвергнуть перекрестному анализу три вида данных, с тем, чтобы измерить причинно-следственные отношения на разных уровнях. Модель, созданная для понимания последствий распространения террористической деятельности ИГИЛ, начинается событиями на региональном уровне (*анализ на региональном уровне*) и продолжается результатами политики региональных акторов. На втором шаге, применением подхода на организационном уровне к ИГИЛ сделана попытка развернуть понимание этой организации. И последнее, в этом исследовании утверждается, что для прогнозирования характера и степени эффектов распространения террористической деятельности ИГИЛ вне пределов региона необходим сбор данных на индивидуальном уровне, сфокусированном напрямую на ключевых фигурах и известных иностранных боевиках, а также на лицах группы риска.

Безопасность на глобальном уровне в 2016 и 2017 годах

С момента объявления своего самопровозглашенного Исламского государства (халифата), т.е. после июня 2014 года и до первых двух месяцев 2017 года, ИГИЛ осуществило или приняло на себя ответственность за совершение более 140 терактов в 30 странах, отличных от Ирака и Сирии.⁴ Согласно данным проекта ЕСРИ по созданию хронологической карты, до 4 сентября 2017 года в глобальном масштабе были осуществлены 133 нападения, при которых погибли 800 человек (в это число не входят теракты в Ираке и Сирии).⁵ Эти нападения, происходившие в разных местах, от Северной Америки, Австралии и Европы до Южной Азии, ясно показали, что с 2014 года ИГИЛ стало в большей степени глобальной, чем региональной угрозой (смотри фигуры 1 и 2). Хотя большинство терактов (в том числе и те с наибольшим числом погибших) были совершены на Ближнем Востоке и в Северной Африке (БВСА), возвращение иностранных боевиков вызывает тревогу за глобальную безопасность в западном мире. Последние нападения в 2016 и 2017 требуют, чтобы эксперты и политики достигли лучшего понимания побочных последствий террористической деятельности ИГИЛ на глобальном уровне.

---

⁴ Относительно данных на глобальном уровне и другой информации о нападениях, смотри Ray Sanchez, Tim Lister, Mark Bixler, Sean O'Key, Michael Hogenmiller, and Mohammed Tawfeeq, "ISIS goes global: 143 attacks in 29 countries have killed about 2,043 people," *CNN International Edition*, January 21, 2016, <http://edition.cnn.com/2015/12/17/world/mapping-isis-attacks-around-the-world> (по состоянию на 7 сентября 2017).

⁵ "Esri Story Map 2017 Terrorist Attacks," <https://storymaps.esri.com/stories/terrorist-attacks/?year=2017> (по состоянию на 7 сентября 2017). Данные взяты с вебсайта проекта и скорректированы автором для исключения случаев в Ираке и Сирии.

Источник: CNN International, "Mapping ISIS attacks around the World" (Sanchez et al, 2016).

Фигура 1: Нападения ИГИЛ на глобальном уровне в 2016 году.

Наличные данные о террористических нападениях и общественном восприятии безопасности показывают интересный парадокс. Согласно докладу о глобальном индексе миролюбия за 2017 год, регион БВСА является наименее мирным регионом в мире уже пятый год подряд, и Европа остается наиболее мирным регионом на свете, причем восемь из десяти наиболее мирных стран в мире находятся в этом регионе.⁶ С другой стороны, специальный обзор Евробарометра отношения европейцев к безопасности показывает, что хотя Европа остается наиболее мирным регионом в мире, большинство европейцев считают, что терроризм является наиболее важной угрозой (49%) безопасности граждан ЕС, и их восприятие состояния безопасности ухудшается.⁷

Респонденты опроса считают, что многие из угроз, с которыми сталкивается мир, становятся более серьезными; две трети респондентов (68%) думают, что проблема терроризма, вероятно, будет усугубляться в следующие три года (повышение с 51% в 2011), тогда как только 10% считают вероятным, что она будет уменьшаться. Данные о безопасности, указывающие на то, что

⁶ Institute for Economics and Peace, "Global Peace Index 2017 Measuring Peace in a Complex World," <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2017/06/GPI17-Report.pdf> (по состоянию на 7 сентября 2017).

⁷ European Commission Public Opinion, "Special Eurobarometer 432, Europeans' Attitudes Towards Security," <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/search/security/surveyKy/2085> (по состоянию на 7 сентября 2017).

этот регион безопасен, не означают, что общественность полностью удовлетворена уровнем безопасности, показанном в этих данных. Общественное восприятие безопасности и страх виктимизации, а также увеличивающаяся тревога о возможности терактов определяют действительную потребность в более эффективной политике в отношении безопасности. Иными словами, в Европе есть потребность не только *быть в безопасности*, но также – и, возможно, это более важно – *чувствовать себя в безопасности*.

Теракты в Париже в ноябре 2015 года были названы худшим случаем насилия (130 погибших и 368 раненных) во Франции после Второй мировой войны и «наиболее изощренным ударом против Запада».⁸ После этих нападений многие эксперты и комментаторы заявили, что мир вошел в новую область борьбы с терроризмом, и парижский теракт изменил правила игры для Запада, а также в сфере региональной и транснациональной безопасности. Теракт в Сан-Бернардино в США в декабре 2015 года, при котором погибли 14 и были ранены 24 человека, привлек внимание к потенциалу ИГИЛ осуществлять удаленные нападения, даже не отдавая прямые приказы на организацию терактов. В 2016 году ИГИЛ приняло на себя ответственность за 16 смертоносных нападений на Западе (в США, Франции, Бельгии, Турции, Германии), при которых погибли 302 и были ранены 1277 человек. До сентября 2017 ИГИЛ осуществило (или инспирировало) шесть больших терактов (в Объединенном Королевстве, Франции, Турции и Испании), при которых погибли 91 и были ранены 327 человек.⁹ Согласно последнему докладу Европола, большинство нападений в Европе, ответственность за которые приняло на себя ИГИЛ, организованы и совершены лицами, которые были подвинуты на это ИГИЛ, а организационная структура ИГИЛ не играла никакой роли или играла очень ограниченную роль в планировании и осуществлении терактов.¹⁰ Согласно тому же докладу, в ЕС число арестов за джихадистскую террористическую деятельность за последние несколько лет драматически увеличилось – до 600 в 2016 году (395 в 2014, 687 в 2015), а число случаев подготовки для совершения терактов джихадистскими террористами никогда не было столь высоким, как в периоде 2014-2016. Европол приходит к заключению, что после 2013 года налицо влияние ИГ на джихадистский терроризм в Европе.

---

⁸ Emily Estelle and Harleen Gambhir with Kaitlynn Menoche, “Network Graph of ISIS’s Claimed Attack in Paris” (Institute for the Study of the War, 15 November 2015), <http://www.understandingwar.org/backgrounder/network-graph-isis-claimed-attack-paris> (по состоянию на 7 сентября 2017).

⁹ “Esri Story Map 2017 Terrorist Attacks.” Данные вручную вычислены автором на базе данных взятых с вебсайта организации.

¹⁰ “Changes in Modus Operandi of Islamic State (IS) revisited,” European Union Terrorism Situation and Trend Report (Europol, 2017), <https://www.europol.europa.eu/newsroom/news/2017-eu-terrorism-report-142-failed-foiled-and-completed-attacks-1002-arrests-and-142-victims-died> (по состоянию на 7 сентября 2017).

Наличные данные о терактах, осуществленных ИГИЛ на глобальном уровне, указывает на то, что инспирированные нападения, совершаемые людьми, которые до этого побывали в Сирии и получили подготовку в ИГИЛ, являются существенным риском для государств, которые принимают такие лица. Недавний доклад шведского института обороны обращает внимание на опасность, что «некоторые из возвращающихся иностранных боевиков намереваются совершить или их можно склонить к совершению терактов в Швеции и других странах вне зоны конфликта, и что по крайней мере двое шведских возвращенцев принимали участие в недавних терактах в Париже и Брюсселе».¹¹

Расследования некоторых из нападений, совершенных между 2015 и 2017 годом, показали, что некоторые из террористов ездили в Сирию и были подготовлены ИГИЛ до осуществления терактов. В июле 2015 года 20-летний террорист-смертник со связями с ИГИЛ убил более 30 людей в Культурном центре Суруча, на юго-востоке Турции и очень недалеко от границы с Сирией.¹² Расследование после нападения в Париже от ноября 2015 (130 погибших и 368 раненых) тоже установило участие лиц, которые вернулись из Сирии.¹³ 12 января 2016 года террорист-смертник убил 10 человек и ранил 15 на площади Султанахмет в популярном туристическом районе Стамбула. Террорист Набил Фадли, рожденный в Сирии в 1988 году, позже был идентифицирован как сирийский беженец, связанный с ИГИЛ до его поездки в Турцию.¹⁴ 22 марта 2016 года в трех скоординированных терактах в Брюсселе погибли 35 и были ранены 340 человек, и как минимум двое из подозреваемых ездили в Сирию и воевали за ИГИЛ.¹⁵ Дальнейший анализ подобных случаев показывает, что лица, которые были завербованы ИГИЛ

---

¹¹ Linus Gustafsson and Magnus Ranstorp, *Swedish Foreign Fighters in Syria and Iraq: An analysis of open-source intelligence and statistical data* (Swedish Defence University: Center for Asymmetric Threat Studies (CATS), 2017), <http://fhs.diva-portal.org/smash/get/diva2:1110355/FULLTEXT01.pdf> (по состоянию на 7 сентября 2017).

¹² "Suruc massacre: 'Turkish student' was suicide bomber," *BBC News*, July 22, 2015, <http://www.bbc.com/news/world-europe-33619043> (по состоянию на 8 сентября 2017).

¹³ "Hollande says Paris attacks an 'act of war' by Islamic State group," *France 24*, November 15, 2015, www.france24.com/en/20151114-paris-attacks-president-hollande-act-war-islamic-state-group-terrorism-france (по состоянию на 8 сентября 2017).

¹⁴ Ceylan Yeginsu and Victor Homola, "Istanbul Bomber Entered as a Refugee, Turks Say," *The New York Times*, January 13, 2016, <https://www.nytimes.com/2016/01/14/world/europe/istanbul-explosion.html> (по состоянию на 8 сентября 2017).

¹⁵ "ISIS supporters claim group responsible for Brussels attacks: 'We have come to you with slaughter'," *Independent*, March 22, 2016, <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/isis-supporters-claim-responsibility-for-brussels-attacks-bombings-belgium-airport-maalbeek-metro-we-a6945886.html> (по состоянию на 8 сентября 2017).

и ездили в Сирию, начали принимать участие в осуществлении терактов в тесном сотрудничестве с лицами, которые никогда туда не ездили, но прошли радикализацию в своих родных странах. Следовательно, есть достаточно подтверждений того, что между 2015 и 2017 годом возвращенцы начали становиться агентами распространения террористической деятельности. Некоторые из нападений были совершены одинокими акторами и саморадикализовавшимися лицами, поэтому эти два явления (взаимодействие между возвращенцами и одинокими акторами) следует тщательно изучить для достижения обоснованных заключений о будущем развитии этой угрозы.

Безопасность и связанные с ней проблемы так же попадают в список наиболее обсуждаемых тем в 2015 году. Фейсбук проанализировал и обнаружил свои данные о разговорах в сети на глобальном уровне и установил, что теракт в Париже от 13 ноября занял второе место после президентских выборов в США.¹⁶ Другие, связанные с терактом темы, попали в число восьми наиболее обсуждаемых тем на глобальном уровне в 2015 году, например, «сирийская гражданская война и кризис беженцев» заняла третье место, «борьба против ИГИЛ» стала седьмой, и «теракт против Шарли Эбдо» – восьмой. При сравнении этих данных с аналогичными данными за 2014 год только «конфликт в Газе» в качестве связанной с безопасностью темы появляется в этом списке на шестом месте (таблица 1). Интересно, что в 2016 году ни один из этих вопросов не был среди десяти наиболее обсуждаемых на глобальном уровне в Фейсбуке.¹⁷ Однако, последние данные Исследовательского центра Пью показывают, что ИГИЛ все еще считается самой опасной угрозой на глобальном уровне.¹⁸

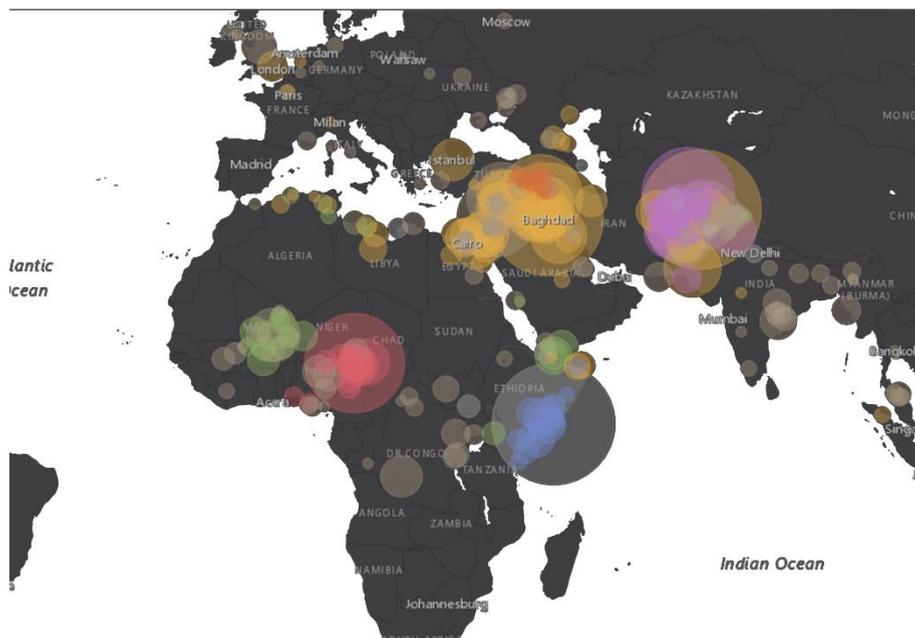
Эти упомянутые выше два источника данных и опрос Евробарометра показывают, что хотя со временем люди перестали постоянно говорить о связанных с безопасностью проблемах, то, что они воспринимают как угрозу, и то, как они воспринимают эти угрозы, не изменилось существенным образом. Связанные с безопасностью проблемы и опасения стали существенной частью ежедневной жизни, важным детерминантом наших личных и профессиональных выборов, оказывают прямое влияние на наше социальное и политическое поведение. Поэтому рассмотрение сложных проблем безо-

---

¹⁶ “2015 Year in Review,” *Facebook Newsroom*, December 9, 2015, <http://newsroom.fb.com/news/2015/12/2015-year-in-review/> (по состоянию на 24 января 2016).

¹⁷ “Facebook’s 2016 Year in Review,” *Facebook Newsroom*, December 8, 2016, <https://newsroom.fb.com/news/2016/12/facebook-2016-year-in-review/> (по состоянию на 8 сентября 2017).

¹⁸ Jacob Poushter and Dorothy Manevich, “Globally, People Point to ISIS and Climate Change as Leading Security Threats” (Pew Research Center, 1 August 2017), <http://www.pewglobal.org/2017/08/01/globally-people-point-to-isis-and-climate-change-as-leading-security-threats/> (по состоянию на 5 сентября 2017).

Источник: Хронологическая карта ЕСПИ террористических нападений за 2017 год.

Фигура 2: Нападения ИГИЛ на глобальном уровне в 2017 году.

пасности сегодняшнего дня требует многомерного и более комплексного методологического анализа. Описательные выводы чаще всего неуместны при разработке комплексных политических решений, основанных на понимании будущего направления развития угроз. Предлагая рамку и модель, это исследование предназначено для создания инструмента научного анализа для измерения возможного распространения вне региона Ирака и Сирии террористической деятельности ИГИЛ.

Беспокойство за безопасность и связанные с ней проблемы имели отношение к нескольким важным проблемам на Ближнем Востоке, например, израильско-арабскому конфликту, событиям, за которыми последовала Арабская весна, сирийская гражданская война и т.п.

Все эти проблемы имеют глубокие исторические и политические корни, и почти превратились в *область замороженной политики*, которая не дает никаких долгосрочных решений. Большинство этих конфликтов и проблем считают основными причинами появившихся недавно новых угроз безопасности и самого рождения ИГИЛ. ИГИЛ появилось в 2006 году из остатков Аль-Каиды в Ираке после американской инвазии; группировка получила международную известность после расширения в Сирию в 2013 году и объявления глобального халифата (глобального исламского государства) в 2014

Таблица 1. Самые обсуждаемые глобальные темы в 2014, 2015 и 2016 году.

Самые обсуждаемые глобальные темы 2014 года	Самые обсуждаемые глобальные темы 2015 года	Самые обсуждаемые глобальные темы 2016 года
1. Кубок мира	Президентские выборы в США	Президентские выборы в США
2. Вспышка вируса Эбола	Теракты в Париже от 13 ноября	Бразильские политики
3. Выборы в Бразилии	Сирийская гражданская война и кризис беженцев	Покемон Гоу
4. Робин Уильямс	Землетрясения в Непале	Черные жизни важны
5. Вызов ледяного ведра	Греческий долговой кризис	Родриго Дутерте и президентские выборы на Филиппинах
6. Конфликт в Газе	Равенство браков	Олимпиада
7. Малазийские авиалинии	Борьба против ИГИЛ	Брексит
8. Супер кубок	Теракт против Шарли Эбдо	Супер кубок
9. Майкл Браун/Фергюсон	Протесты в Балтиморе	Дэвид Боуи
10. Зимние олимпийские игры в Сочи	Стрельба в Чарльстоне и дебаты о флаге	Мухаммед Али

Источник: Данные из отдела новостей Фейсбука: обзор за 2014, 2015 и 2016 год.

году.¹⁹ Хотя ИГИЛ ослабевает в Сирии и Ираке, есть признаки, что идеология и замороженные политические проблемы, на которых зиждется существование радикальных группировок, продолжают существовать и в будущем. Поэтому очень вероятно, что эта угроза появится в новом обличье; следовательно, международному сообществу в сфере безопасности необходимо сфокусироваться на новом появлении этой угрозы с другой структурой, новыми акторами и разнообразными способами действий путем рассмотрения всех связанных с ней аспектов в единой комплексной модели. Это ис-

¹⁹ Cole Bunzel, *From Paper State to Caliphate: The Ideology of the Islamic State*, The Brookings Project on U.S. Relations with the Islamic World, Analysis Paper No. 19, (Brookings: Center for Middle East Policy, March 2015), <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/The-ideology-of-the-Islamic-State.pdf> (по состоянию на 8 сентября 2017).

следование является попыткой создать эффективный инструмент для изучения множества аспектов этой проблемы с учетом их взаимодействия.

ИГИЛ и безопасность на Ближнем Востоке: введение в модель распространения

Несмотря на другие проблемы с замороженной политикой на Ближнем Востоке, прогресс политики безопасности с годами и большинство изменений связаны с глобальным, региональным и местным развитием событий. Не все изменения приводят всегда к положительным результатам, но когда страны приходят к соглашениям по региональным проблемам и развивают работающую среду сотрудничества, обещающие результаты, полученные в борьбе с угрозами, и дальнейшие достижения становятся более вероятными. В дополнение к формированию общей реакции на угрозу ИГИЛ следует так же разработать мульти-дисциплинарный подход и проанализировать региональные политики с учетом взаимодействия всех возможных причин и влияний, поскольку результаты определенной политики и негативные внешние факторы (такие, как террористические нападения) действительно имеют место в связи с внутренними и внешними факторами.

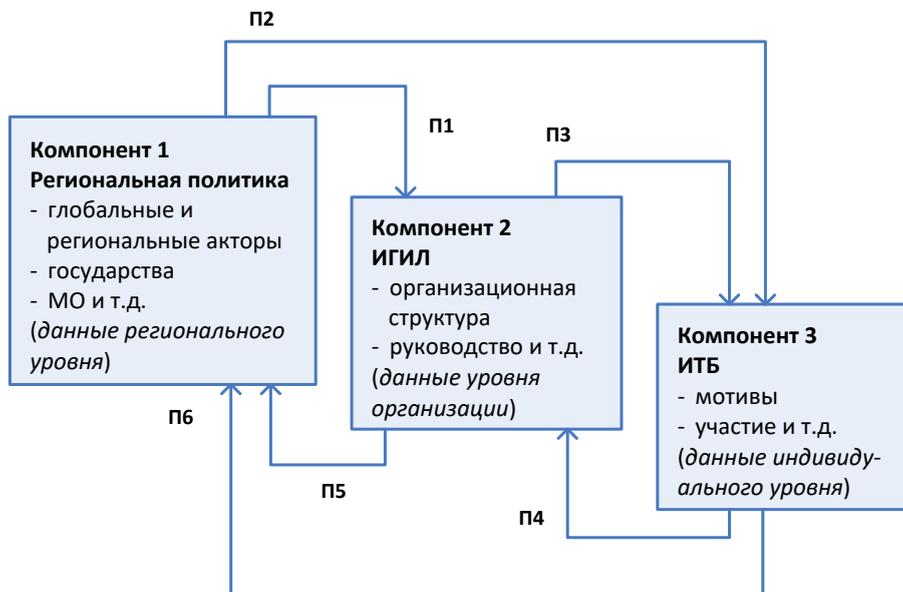
Модель каскадного пути измерения распространения

Понимание распространения террористической деятельности ИГИЛ вне региона Сирии и Ирака требует создания модели, улавливающей все изменения (как внутренние, так и внешние) на трех разных уровнях для того, чтобы понять прямые или косвенные причинно-следственные отношения между разными переменными. На фигуре 3 представлена каскадная модель (предполагая, что каждый элемент имеет независимое влияние на другие) и шесть путей, показывающих возможное взаимодействие между тремя разными уровнями. Эти уровни были установлены на основе теоретического понимания модели распространения, в котором региональные политики и ИГИЛ, негосударственный актор, взаимодействуют друг с другом (это взаимодействие производит отрицательные внешние результаты), а иностранные боевики представлены в качестве агентов распространения.²⁰

Согласно модели, все эти уровни имеют прямое и косвенное влияние на региональную безопасность. Эта модель поможет нам разбить сложную проблему на части, причем рассмотрение каждого пути будет способствовать пониманию значимости каждого взаимодействия и, следовательно, разработке новых альтернативных политик. Модель так же предназначена

---

²⁰ Распространение террористической деятельности может быть обусловлено такими другими переменными, как террористические нарративы, имиджи в социальных медиа и дискуссии, инициированные другими, отличными от ИГИЛ, субъектами. Однако, эта модель рассматривает ИБ в качестве ключевых агентов распространения и уделяет им специальное внимание.

Фигура 3: Нападения ИГИЛ на глобальном уровне 2017.

для использования в качестве рамки для разработки инструмента для сбора данных с целью создания базы данных для будущего анализа.

Компонент 1: Первый компонент модели касается, в основном, региональной политики, предполагает сбор данных на региональном уровне и включает последующие главные события и изменения политики региональных акторов. Путь 1 (П1) касается одностороннего причинно-следственного отношения между региональными политическими факторами и ИГИЛ; он показывает, как региональные политические факторы оказывают влияние на ИГИЛ (его политику, организационную структуру, руководство и т.д.). П2 охватывает то, как региональные политические факторы могут оказывать прямое влияние на такие данные индивидуального уровня, как вербовка иностранных террористических боевиков (ИТБ), создание новых нарративов индивидуального уровня и т.д.

Компонент 2: Тогда как первый компонент сфокусирован в большей степени на анализе на уровне региона и государства, второй охватывает институциональный уровень анализа и направлен на анализе ИГИЛ с организационной точки зрения. Изменения в организационной структуре, создание новых или адаптация существующих дискурсов и способы противоборства с действиями, предпринимаемыми международной коалицией или политикой отдельных государств, подвергаются анализу именно на этом уровне. В этом компоненте делается попытка рассматривать ИГИЛ с аналитической точки зрения и идентифицировать изменения в ее организационной струк-

туре, методах управления и способах менеджмента на основе П1 и П4. У этого компонента есть два выходящих пути: ПЗ относится к влиянию ИГИЛ на ИТБ и П5 – к тому, как ИГИЛ воздействует на региональные политические факторы.

Компонент 3: В последнем компоненте модели в фокусе находится а сбор данных индивидуального уровня. Он охватывает переменные, необходимые для идентификации моделей поведения и характеристик ИТБ на глобальном уровне. В этом компоненте цель состоит в сборе данных из открытых источников о лицах, которые склонны присоединиться или уже присоединились к ИГИЛ, а также в понимании динамики участия организации в процесс вербовки и силы нарративов. В структуре путей модели П4 обозначает возможные влияния отдельных лиц на организацию, а П6 – возможное влияние ИТБ на изменение региональных политических факторов или конкретной политики.

Применение модели к 2015 и 2016 году

Изменения в мировой политике происходят не за один день. Хотя некоторые отдельные события имеют огромное влияние в краткосрочном плане, в большинстве случаев существенные изменения проистекают из определенных предпосылок или в результате воздействия прямых и косвенных причин. Изменения в политических факторах и политике на региональном уровне играют важную роль для понимания структуры системы безопасности данного региона. В плане модели, предлагаемой в этом исследовании, эти изменения имеют существенное влияние на нижние уровни (ИГИЛ и ИТБ). Иными словами, изменения на региональном уровне будут оказывать влияние как на переменные, связанные с ИГИЛ как организации, так и на ИТБ.

Теоретики, занимающиеся региональным уровнем и, в частности, Ближним Востоком, в целом согласны с утверждением, что этот регион страдает от отсутствия региональной интеграции и связей, необходимых для вхождения в глобальный мир.²¹ Теории международной и сравнительной политики дают множество объяснений тому, почему данный регион не имеет стабильную региональную систему и почему государства в этом регионе не могут сформировать режимы, которые способствовали бы миру и инклюзивному экономическому процветанию.

Сравнение Ближнего Востока с другими регионами так же дает объяснение, почему Ближний Восток не может создать устойчивую региональную систему. Этель Золинген, после проведения сравнительного анализа Восточной Азии и Ближнего Востока, утверждает, что эти два региона в последнем столетии шли по расходящимся путям развития, несмотря на пер-

---

²¹ Jerry W. Wright and Laura Drake, eds., *Economic and Political Impediments to Middle East Peace: Critical Questions and Alternative Scenarios* (New York: Palgrave Macmillan, 2000).

воначально одинаковые исходные условия.²² Она приходит к заключению, что различия в экономическом, политическом и региональном развитии объясняют соперничающие модели политического выживания: тогда как «руководители Восточной Азии направляли политическое управление на экономические показатели и интеграцию в глобальную экономику, лидеры Ближнего Востока опирались на направленную во внутрь самодостаточность, на государство и военное предпринимательство и связанный с ними бренд национализма».

Ближний Восток, как региональный субъект, не располагает большим могуществом и влиянием и, следовательно, нулевой способностью формировать такую политику безопасности, которая мобилизовала бы государства региона. Отсутствие могущественной региональной институциональной структуры и ограниченные возможности государств региона создавать хорошо функционирующую структуру системы безопасности оставляют глобальным акторам широкое поле для вмешательства и определения политики в регионе. Поэтому Ближний Восток остается термином для обозначения только географического субъекта, а не политической, экономической, культурной или военной структуры. Следовательно, было бы обосновано утверждать, что в этом регионе не существует никакой структуры, которая могла бы принести мир и стабильность. Основными акторами в региональной политике являются государства (как государства внутри региона, так и государства вне его пределов, причем внешние имеют большее влияние), международные организации (как региональные, так и глобальные институты, и опять же последние более могущественны) и негосударственные акторы (НПО глобального уровня, в основном оказывающие положительное влияние, и террористические организации с отрицательным влиянием на региональную безопасность).

По мнению Кертиса Р. Райана, режим безопасности является ключевым движущим фактором политики альянсов на Ближнем Востоке, и это объясняет суть международных отношений в этом регионе.²³ То есть, когда начинается какое-то развитие политических событий, арабские государства в первую очередь испытывают опасения за свои режимы. Райан утверждает, что «Арабские режимы часто остаются в капкане дилеммы внутренней и внешней безопасности, которую сами же и создают, и одержимы обеспечением безопасности своих правящих режимов со стороны внутренних и внешних вызовов. В итоге, мы можем считать, что международные отноше-

---

²² Etel Solingen, "Transcending disciplinary divide/s," in *International Relations Theory and a Changing Middle East*, Project on Middle East Political Science Studies, September 17, 2015, <http://pomeps.org/2015/09/17/international-relations-theory-and-a-new-middle-east/> (по состоянию на 1 ноября 2015).

²³ Curtis R. Ryan, "Regime Security and Shifting Alliances in the Middle East," in *International Relations Theory and a Changing Middle East*, *POMEPS Studies* 16 (Aarhus University, September 2015), 42-46.

ния на Ближнем Востоке формируются и определяются взаимодействием между внутренними и региональными факторами».²⁴

В 2015 и 2016 году регион БВСА не демонстрировал никакого прогресса; не было сделано даже одного шага к конструктивному институциональному сотрудничеству. Как было показано выше, проблемы безопасности в этом регионе стали более глобальными и существующие сложности стали еще более комплексными. 2015 год начался продолжением боев между курдскими Силами защиты народа (YPG) и боевиками ИГИЛ за город Кобани в Северной Сирии, находящийся вблизи границы с Турцией. После 113 дней сражений между двумя группировками YPG выиграли битву, и 27 января 2015 года взяли город у ИГИЛ. В самой Сирии в 2015 году сражения продолжались по схеме от предыдущих лет, сектантские и этнические отличия продолжали вызывать столкновения, и преобладающее преимущество в силе перешло от больших постоянных армий к местным милициям.²⁵

Среди других, одним из значительных событий за 2015 год стало изменение российского подхода к сирийской проблеме. Конкретнее, на заседании Генеральной ассамблеи ООН 28 сентября, Россия четко заявила о ответственном сдвиге в своей позиции, за чем 1 октября 2015 года последовали российские воздушные удары по целям ИГИЛ в Сирии. Развитие событий в 2015 году ясно показало, что Россия в качестве активного актора и участника в региональной политике меняет способ, которым решается и может решаться сирийский кризис. Однако, этот сдвиг не способствовал существенно обеспечению безопасности в регионе и не привел к каким-либо изменениям в расстановке сил. ИГИЛ продолжала удерживать большую часть своей территории и даже расширяла ее, создавала административную бюрократию и вербовала новых боевиков по всему свету.

Ключевой целью первого компонента данной модели является оценка влияния развития региональных событий на организационный аспект ИГИЛ. Наличные данные дают основание полагать, что региональные события имели ограниченное влияние на уменьшение могущества ИГИЛ в глобальном плане. И в 2016, и в 2017 году силы западной коалиции, при значительном участии местной оппозиции и местных милиций, продолжали отвоёвывать территории, захваченные ИГИЛ в Сирии и Ираке, но война далека от завершения. Военные эксперты считают, что полная победа будет объявлена после взятия Ракки (так называемой столицы Исламского государства) к концу 2017 года. Несмотря на военное поражение, в 2016 году ИГИЛ или

---

²⁴ Bassel F. Salloukh, *Syria and Lebanon: A Brotherhood Transformed*, Middle East Report No. 236 (Middle East Research and Information Project, 2005), <http://www.merip.org/mer/mer236/syria-lebanon-brotherhood-transformed> (по состоянию на 8 сентября 2017).

²⁵ Brian Michael Jenkins, *How the Current Conflicts Are Shaping the Future of Syria and Iraq* (Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2015), <http://www.rand.org/pubs/perspectives/PE163.html> (по состоянию на 8 сентября 2015).

напрямую организовало или приняло на себя ответственность за множество смертоносных нападений, осуществленных возвращенцами или саморазликававшимися лицами. Как сформулировал это Даниель Байман, старший сотрудник Бруклинского института, в 2016 и 2017 ИГИЛ показало свою способность осуществлять нападения на глобальном уровне вне пределов зоны конфликта.²⁶ Что ожидать после военной победы в Сирии и что делать с потенциалом ИГИЛ осуществлять теракты на глобальном уровне, было и остается большой проблемой на последующие месяцы, причем главным инструментом этой организационной структуры в деле вербовки членов для проведения потенциальных нападений будет идеология.²⁷

Структура и идеология ИГИЛ сформировались в контексте повстанческого движения в Ираке в начале 2000-х. ИГИЛ началось как ответвление Аль-каиды, учрежденное в Ираке в 2004 году после американской инвазии, которое было возглавлено Айманом аль-Завахири и сформировано, главным образом, Абу Мусаб аль-Заркави, пока он не был убит в результате воздушных ударов в Ираке.²⁸ В октябре 2006 года муджахидинским советом Шура в Ираке лидером группировки был избран Абу Умар аль-Багдади. Между 2006 и 2013 годом группировка называла себя Исламским государством Ирака (ИГИ), и в западных СМИ считалась Аль-Каидой в Ираке. В апреле 2013 Абу Умар аль-Багдади провозгласил расширение Исламского государства в Шам, арабское слово для обозначения большой Сирии. В июне 2014 года ИГИЛ объявило себя халифатом, и Багдади провозгласил себя халифом всех мусульман мира.

На каждом этапе своего развития ИГИЛ строило структуру управления, включающую менеджмент систем образования, правосудия, безопасности, гуманитарных дел и инфраструктуры. Карис и Рейнольдс на основании наличных данных и доказательств подробно объясняют, как ИГИЛ демонстрировало свой потенциал осуществлять управление как в сельских, так и в городских областях Сирии, которые находились под его контролем.²⁹ Со всеми своими слабыми и сильными сторонами ИГИЛ развернуло админи-

---

²⁶ Daniel Byman, "Beyond Iraq and Syria: ISIS' ability to conduct attacks abroad," *Brookings*, June 8, 2017, <https://www.brookings.edu/testimonies/beyond-iraq-and-syria-isis-ability-to-conduct-attacks-abroad/> (по состоянию на 8 сентября 2017).

²⁷ Я в курсе того, что заключения такого типа были бы более точными после анализа обширных данных и рассмотрения развития ключевых политических событий и их влияния на последующие события. Однако, из-за ограниченного объема данной статьи здесь представлен короткий и приблизительный анализ за 2015 и 2016 год.

²⁸ Bunzel, *From Paper State to Caliphate: The Ideology of the Islamic State*, 13.

²⁹ Charles C. Caris and Samuel Reynolds, *ISIS Governance in Syria*, Middle East Security Report 22 (Washington, D.C.: Institute for the Study of War, July 2014), http://www.understandingwar.org/sites/default/files/ISIS_Governance.pdf (по состоянию на 7 сентября 2017).

стративный потенциал в Сирии, и для того, чтобы понять стратегию операций этой организации, следует тщательно изучить ее структуру. Наличные данные не подтверждают предположение, что структура этой организации в 2015 году изменилась и нет достаточно сведений для оценки того, как организационную структуру ИГИЛ изменили военные действия в 2016 году.

Предприятие мер по поводу возвращения иностранных боевиков стало высшим приоритетом для западных стран, и в последнее время иностранные боевики были предметом важных дебатов. Хотя термин «иностранные боевики» используется давно, в последнее время он используется главным образом в отношении людей, которые ездили в Сирию и Ирак с целью присоединиться к ИГИЛ и к другим террористическим организациям. Во многих конфликтах в мире участвуют лица, которые добровольно воюют за свою идею, и мы можем найти такие примеры в Афганистане во время российской инвазии, в конфликтах на Балканах, а также в недавнем украинско-российском конфликтом относительно Крыма. Этот феномен не является специфическим для отдельной группы людей, отдельной религии или нации. Однако, сегодня масштаб угрозы стал огромным из-за прямого влияния технологического прогресса и всплеск гражданских войн и сектантского насилия в нескольких странах Ближнего Востока.

В июне 2014 года консультантская группа Суфан выпустила доклад, представляющий известные числа и другую имеющуюся информацию об иностранных боевиках в Сирии, в котором была приведена информация о наличии приблизительно 12 000 иностранных боевиков из 81 страны.³⁰ В более позднем докладе, опубликованном в декабре 2015 года, указано, что «несмотря на постоянные международные усилия, направленные на сдерживание Исламского государства и ограничение потока боевиков, приезжающих в Сирию, число иностранных боевиков увеличилось более, чем в два раза».³¹ В том же докладе указано, что «между 27 000 и 31 000 лиц из более, чем 86 стран, приехали в Сирию и Ирак для того, чтобы присоединиться к Исламскому государству и к другим вооруженным экстремистским группировкам, и попытки сдержать поток иностранных рекрутов для экстремистских групп имели ограниченный эффект. Наиболее тревожным для европейских стран является факт, что «число иностранных боевиков из Западной Европы с июня 2014 года увеличилось более, чем в два раза, и средний процент возвращающихся в западные страны составляет около 20-30%, что является значительным вызовом для органов безопасности и охраны право-

---

³⁰ Richard Barrett, *Foreign Fighters in Syria* (New York: The Soufan Group, June 2014), <http://soufangroup.com/wp-content/uploads/2014/06/TSG-Foreign-Fighters-in-Syria.pdf> (по состоянию на 23 ноября 2016).

³¹ *Foreign Fighters: An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq* (New York: The Soufan Group, December 2015), http://soufangroup.com/wpcontent/uploads/2015/12/TSG_ForeignFightersUpdate3.pdf (по состоянию на 23 января 2016).

порядка, которые должны оценивать эту угрозу». В 2015 году к ИГИЛ присоединялись большое число иностранных боевиков и некоторые из них возвращались в свои родные страны. Не все из них принимали участие в террористической деятельности, но для их родных стран уровень риска очень высок.

Анализ и заключение

С целью понять последствия распространения террористической активности ИГИЛ, в этой работе были представлены три компонента – региональная политика, ИГИЛ и иностранные боевики, причем предполагалось, что каждый из них оказывает независимое влияние на других. Следовательно, модель состоит из прямых отношений между всеми этими компонентами. Располагаемые данные подкрепляют некоторые из теоретически предполагаемых отношений, но для более комплексных результатов необходим сбор данных на более длительном отрезке времени и их анализ, что выходит за рамки целей этого исследования. Поскольку главной целью этой работы является представление модели и предложение по сбору данных с целью создания базы данных для расширенного анализа, будет достаточно сделать несколько общих заключений на основе имеющихся данных.

Наша модель показывает, что развитие политических факторов регионального уровня на Ближнем Востоке не обещает формирование комплексной институциональной среды сотрудничества. Кроме того, региональное политическое развитие и изменения политики в 2015 году не привело к нанесению существенного ущерба ИГИЛ, несмотря на то, что силы западной коалиции достигли существенного прогресса в поражении ИГИЛ в Ираке и в Сирии, отвовав обратно захваченные им территории. Месервей приводит сведение, что ИГИЛ потеряло 14% от своей территории в 2015 году, но какое влияние это оказало на организацию и на ее силовую структуру, остается неясным.³² Долгосрочное влияние нынешнего военного успеха тоже неясно и нужны дальнейшие политические и социальные успехи на региональном и глобальном уровне. Оказала ли конкретная политика региональных акторов какое-либо влияние на эту организацию, требует сбора дополнительных данных. Путь 1 (П1) в нашей модели, представленной на фигуре 3, показывает, что существенного влияния на уменьшение могущества ИГИЛ в 2015 году не было.

В 2015 году ключевые региональные акторы не смогли добиться комплексного сотрудничества в сфере ограничения присоединения к ИГИЛ. Однако, расширение обмена разведывательной информацией и более тесное сотрудничество на техническом уровне дало обещающие результаты по

---

³² Joshua Meservey, "Al Shabab's Lessons for ISIS: What the Fight Against the Somali Group Means for the Middle East," *Foreign Affairs*, January 24, 2016, <https://www.foreignaffairs.com/articles/ethiopia/2016-01-24/al-shababs-lessons-isis> (по состоянию на 26 января 2016).

сравнению с предыдущими годами. Если изменения в региональной политике могут поставить ИГИЛ в такое положение, что оно будет неспособно уцелеть, оно так же потеряет контроль над своими членами, и иностранные боевики начнут искать возможность бежать из Сирии или Ирака. Однако, до 2015 года не было никаких признаков такого развития, какое последовало в 2016 и 2017 году. Поэтому П2 в нашей модели показывает пока ограниченные, но обещающие результаты в 2016 и 2017 году.

Чтобы оценить влияние ИГИЛ на ИТБ (ПЗ), измеритель должен включать переменные, касающиеся отдельных лиц, которые уже присоединились к группировке, и характеристики потенциальных ИТБ за границей. Свидетельства людей, которые успели бежать из ИГИЛ, указывают на то, что эта организация не является тем, что они ожидали.³³ Чтобы сделать более четкую оценку взаимодействия ИГИЛ и ИТБ, необходимы дополнительные данные. До 2016 года и в 2017 году наличные данные указывают на то, что ИГИЛ создало сильную организационную структуру, использующую эффективно социальные СМИ и эффективно использующую всех рекрутов, включившихся в ее силы.

Ключевые игроки в региональной политике создали коалицию, чтобы бороться с территориальным расширением ИГИЛ, но реальное влияние этой организации недостаточно явно, чтобы делать заключение об окончательном поражении ИГИЛ. ИГИЛ все еще пользуется преимуществом использовать наличие у него сторонников на глобальном уровне и бывших боевиков, которые возвращаются в свои родные страны в качестве агентов распространения. Региональная политика не может быть успешной, если не рассматривать все компоненты проблемы и не оценивать осторожно взаимодействие между ними. Теоретикам нужно выйти за пределы описательных моделей и выдать больше вариантов политики для тех, кто принимает решения, рассмотрев более пристально индивидуальный уровень и факторы, которые могли бы ограничить способность ИГИЛ вербовать новых людей для осуществления будущих терактов. Военные и полицейские решения будут эффективными, только если государства и международные организации расширят свое сотрудничество на тактическом уровне и расширят это сотрудничество на более стратегическом уровне за счет более глубокого понимания каждого отдельного компонента. Стратегическая модель, представленная в этом исследовании, обеспечит аналитическую информацию для рассмотрения потенциальных уязвимостей, появляющихся в ходе нового политического и социального развития.

После поражения ИГИЛ в Сирии и Ираке начнется новый этап борьбы, в котором в фокусе будет идеология, методы вербовки новых членов и усилия, направленные на уменьшение вероятности того, что отдельные лица

---

³³ Anne Speckhard and Ahmet S. Yayla, "Eyewitness Accounts from Recent Defectors from Islamic State: Why They Joined, What They Saw, Why They Quit," *Perspectives on Terrorism* 9, no. 6 (December 2015): 95-118.

будут осуществлять теракты одиночным образом. Краткосрочное тактическое решение должно включать расширение международного сотрудничества и обмена данными о возвращенцах и возможных радикализированных личностях, а также о членах группировки. Подход на стратегическом уровне требует понимания основополагающих факторов, которые инициируют радикализацию отдельных лиц и того, как национальная и международная политика подпитывают этот цикл. Каждый компонент будет иметь ценность, только если мы сумеем глубже понять взаимодействие глобальных, региональных и индивидуальных факторов, приводящее к вооруженным нападениям. Более эффективная стратегия нанесения поражения ИГИЛ и уменьшения его потенциала осуществлять нападения на глобальном уровне зависит от мультидисциплинарного понимания распространения его террористической деятельности и мультисекторной политики реакции на будущую угрозу ИГИЛ.

Об авторе

Доктор Кюнейт Гюрер является доцентом по исследованиям вопросов безопасности. Он адъюнкт-преподаватель в Европейском центре по изучению проблем безопасности имени Джорджа К. Маршалла. Предметом его исследовательских интересов являются глобальная и региональная политика безопасности, методологические подходы в сфере безопасности и политика распространения. Свою степень доктора философии он получил в 2007 году на кафедре политологии Университета штата Огайо в Кенте.